

Полисемия английских прилагательных в когнитивном аспекте

М. Б. Антонова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Анализируются языковые системные факторы, обуславливающие полисемию прилагательных в английском языке, в частности прилагательных, имеющих значения как моральных, так и ментальных характеристик человека. В соответствии с принятой в когнитивной лингвистике точкой зрения, в исследовании семантика слова рассматривается как двухуровневый феномен, включающий собственно семантический уровень (внешний) и концептуальный уровень (глубинный). Полисемия фиксируется на внешнем, языковом уровне. В данном исследовании ставится задача выявить глубинные, заложенные на концептуальном уровне, факторы полисемии прилагательных. Для решения этой задачи предлагается новый подход, а именно моделирование концептуальных оснований семантики слов, которое осуществляется путем анализа данных об этимологии прилагательных. В результате исследования установлено, что семантика английских прилагательных, обозначающих такие абстрактные качества человека, как «умный / глупый», «скромный / высокомерный», «добрый / злой» и т. д., формируется на основе одних и тех же концептов. Именно общность концептуальных оснований семантики у прилагательных, обозначающих ментальные и моральные качества человека, является системным фактором, предопределяющим возможность совмещения этих значений в семантике одного прилагательного, т. е. возможность развития полисемии. Также итоги исследования показывают, что концепты, порождающие семантику анализируемых прилагательных, образуют оппозиции, в частности *ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ*, *ДВИЖЕНИЕ – ПОКОЙ*, *СВОЙ – ЧУЖОЙ* и др. Аксиологизация концептов в оппозиции обуславливает оценочное значение прилагательного; при формировании семантики прилагательных аксиологическое значение концептов может изменяться на диаметрально противоположное, и таким образом на основе одного и того же концепта может складываться семантика как положительной, так и отрицательной оценки. Это приводит к тому, что прилагательное может совмещать значения ментальных и моральных характеристик с полярной оценочностью.

Ключевые слова

концептуальное основание семантики, концептуальная оппозиция, полисемия, аксиологический, прилагательное, английский язык

Для цитирования

Антонова М. Б. Полисемия английских прилагательных в когнитивном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 15–29. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-15-29

The Cognitive Aspect of English Polysemantic Adjectives

Marina B. Antonova

*National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper presents an analysis of the deep language factors that predetermine polysemy of English adjectives denoting moral and mental qualities of human beings. In line with a well-established point of view in cognitive linguistics,

this study treats the semantics of a word as a two-level phenomenon possessing the semantic (external) level and the conceptual (internal) level. Given polysemy belongs to the external level, this study aims to reveal the internal language factor allowing for umbrella adjectives to develop meanings of moral and mental qualities. This is the first research that has analyzed English adjectives from this perspective; it is proposed to unearth the deep language foundation of polysemy by modeling the conceptual foundation of polysemantic adjectives, which is undertaken via analysis of their etymological data. The choice of the adjectives encoding moral and mental qualities is substantiated by the following reasons: first, these words name the major human characteristics, whose recognition and verbalization can be traced back to the Pre-Old English period; second, they denote abstract qualities unperceivable by senses but estimated due to their indirect manifestation in individuals' judgments, conduct and activity; third, since these adjectives convey evaluation of the quality, they reflect cultural axiological standards. The findings show that the semantics of the English adjectives in question is governed by a certain set of conceptual metaphors. The commonality of the adjectives' conceptual basis seems to be the internal language factor that accounts for polysemy, i.e. an ability for an adjective to comprise meanings of mental and moral characteristics. In addition, the results demonstrate that the unearthed concepts form oppositions, namely, *LIFE – DEATH*, *MOTION – STILLNESS*, *FRIEND – FOE*. The opposed concepts are endowed with the positive or negative value that appears to determine the evaluative meaning of the adjectives. Besides, the research has shown that, while participating in the formation of adjectival semantics, the concepts can demonstrate ambiguous value, which enables a concept to underlie both the positive and negative evaluative meanings of an adjective; therefore, an adjective may comprise meanings of mental and moral characteristics that are opposite in their evaluation.

Keywords

conceptual basis of semantics, conceptual opposition, polysemy, axiological, adjective, English

For citation

Antonova, Marina B. The Cognitive Aspect of English Polysemantic Adjectives. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 15–29. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-15-29

Введение

Одним из универсальных свойств языка является полисемия, т. е. использование одного и того же языкового знака для обозначения нескольких различных явлений или объектов, или качеств / свойств объектов. Изучая полисемантическое слово в когнитивном ракурсе, исследователи стремятся выявить концептуальные структуры, организующие семантику многозначной единицы. Так, полисемант рассматривается как частный случай прототипической категории [Lakoff, 1987; Taylor, 1995; Croft, Cruse, 2004], как микрофрейм, профилируемый определенной когнитивной моделью [Беляевская, 1992]. Кроме того, при помощи QUALIA-структур Дж. Пустейовского [Pustejovsky, Voguraev, 1993] выделяется «концептуальный стержень», вокруг которого формируются все значения полисеманта [Боярская, 1999], моделируются образ-схемы значений полисеманта и выводится общая образ-схема [Елизарьева, 2016]. Если в этих работах авторы анализируют значения слова, выделяя в них общее / различное концептуальное содержание, то в нашем исследовании выявляется языковой, системный фактор, благодаря которому у прилагательных в английском языке могут развиваться новые лексические значения.

Когнитивная лингвистика выдвинула идею о противопоставленности семантического, или собственно языкового, уровня, на котором находятся значения лексемы, и концептуального, глубинного уровня, на котором находится когнитивная модель, порождающая эти значения. Эта идея впервые была высказана М. Бирвишем [Bierwisch, 1983; Bierwisch, Lang, 1987; Bierwisch, Bosch, 1995] в теории двухуровневой семантики (Two-level Semantics) и далее развита в работах других исследователей (см. [Lakoff, 1987; Evans, Green, 2006; Jackendoff, 2011; Lang, Maienborn, 2011; Cruse, 2017; Boldyrev, 2016] и др.). Двухуровневая модель семантики справедлива не только по отношению к отдельным лексическим единицам, но и ко всем языковым феноменам, имеющим семантическую составляющую. Дж. Лакофф, например, выделяет концептуальные основания лексических и грамматических категорий [Lakoff, 1987]. Мы также исходим из того, что семантика слов, в том числе прилагательных в английском языке, формируется на некой концептуальной основе, изучение которой помогло бы объяснить развитие полисемии.

Поскольку язык теснейшим образом связан с культурой, в каждом языковом сообществе складывается своя система концептов и когнитивных моделей, регулирующая вербализацию требуемых смыслов. Д. Круз подчеркивает, что в когнитологии семантика слова изучается как на языковом, так и на концептуальном уровне, поскольку именно посредством концептов устанавливается связь между словами и внешним миром («there is no theoretical work for an autonomous linguistic semantic level to do that cannot be performed at the conceptual level; ...the connection between words and the outside world is mediated through concepts») [Cruse, 2017. P. 241]; ср.: [Кубрякова, 1997. С. 92]. С этой точки зрения особый интерес представляет задача выявления концептуального основания семантики различных языковых единиц и категорий. Однако исследований в этом направлении существует немного. Так, проводилось моделирование концептуальных оснований категории предметных имен (на материале наименований одежды) в английском языке [Бондарчук, 2011], эвфемизмов в различных романогерманских языках [Порохницкая, 2014] и категории времени в английском языке [Гулимова, 2015]. Что касается прилагательных, в том числе прилагательных английского языка, они пока в этом аспекте не изучались.

Как подчеркивает У. Крофт, у категории, именуемой «прилагательные», наблюдается большая вариативность в языках мира, чем у категорий существительного и глагола. В некоторых языках, например в английском, категория прилагательных образует открытый, т. е. постоянно пополняемый новыми единицами, класс слов, в то время как в других языках эта категория является закрытой (например, в языке хауса) или вообще отсутствует (например, в мандаринском китайском) [Croft, 2003. P. 183].

Надо отметить, по поводу статуса прилагательного у лингвистов не существует единого мнения, поскольку не всегда можно однозначно выделить прилагательные в отдельный класс слов и определить его границы. Так, если У. Крофт считает, что не во всех языках сформировалась отдельная категория прилагательных, то Р. Диксон и У. Пауль утверждают, что есть бесспорные критерии, позволяющие обособить самостоятельный класс адъективов в любом языке, в том числе в мандаринском китайском [Dixon, Aikhenvald, 2004. P. 12–28; Paul, 2010]. Достаточно сложным оказалось разграничить прилагательные и детерминанты в сербском языке [LaTerza, 2015]; в тунгусском языке выделена смешанная категория, единицы которой совмещают морфемные и синтаксические признаки существительного и прилагательного [Nikolaeva, 2008]; установлена семантическая двойственность прилагательного *sama* в готском [Ratkus, 2018]; в английском языке наречия и прилагательные иногда включаются в одну категорию [Baker, 2003. P. 230–239]. Неоднозначный характер прилагательных приводит к тому, что их не всегда легко распознать в тексте, верно употребить и, в частности, выстроить порядок их следования в цепочке определений [Abd Rahim, 2013; Sosnina, 2015; Berg, 2019; Trotzke, Wittenberg, 2019].

Однако даже те исследователи, которые придерживаются мнения о том, что прилагательное не является универсальной языковой категорией, считают, что в каждом языке присутствуют единицы с адъективной функцией – «every language seems to be equipped with adjectival concepts» [Pustet, 2006. P. 61].

Принимая во внимание, что целый ряд вопросов, относящихся к прилагательным, начиная с их статуса самостоятельной языковой категории и заканчивая сложными моментами семантического развития, до сих пор остаются дискуссионными, моделирование концептуальных оснований семантики прилагательных представляется, несомненно, важным.

В настоящей статье анализируются английские полисемантические прилагательные, совмещающие значения ментальных и моральных качеств человека. Эти прилагательные выбраны потому, что, во-первых, они обозначают основные и разноаспектные характеристики человека, которые стали осмысляться задолго до древнеанглийского периода. Во-вторых, эти прилагательные именуют абстрактные качества, которые не воспринимаются непосредственно органами чувств, а оцениваются по их опосредованному проявлению в поведении, суждениях и деятельности индивида (умный / глупый, хороший / плохой). В-третьих, поскольку

ку эти прилагательные являются оценочными, то в них одновременно отражаются и культуро-специфический оценочный стандарт, и интерпретация качества номинатором – оценивающим субъектом.

Отбор прилагательных, обозначающих ментальные и моральные качества человека, проводился на основе словаря *Roget's 21st Century Thesaurus* и идеографического словаря *The Original Roget's Thesaurus of English words and phrases* (см. список словарей). Корпус исследуемых прилагательных категории «Моральные качества» составляет 430 единиц. Более детальное обозначение имеет область отрицательных качеств: 276 прилагательных именуют отрицательные и 154 прилагательных – положительные моральные качества. Адъективная категория «Ментальные характеристики человека» насчитывает 406 единиц, также преобладают наименования отрицательных качеств: 232 и 174 прилагательных соответственно.

Методика анализа

Принимая во внимание то, что прилагательное выделилось из древнего слова-синкрета (см. [Потебня, 1968. С. 60–69; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 279; Кацнельсон, 2001. С. 413; Никитин, 2003. С. 35; Кубрякова, 2008. С. 39] и др.) и что когнитивная модель слова формируется в номинативном акте и остается неизменной на протяжении всей «жизни» данного слова [Беляевская, 2011. С. 64], отправной точкой моделирования концептуальных оснований лексических категорий прилагательных стало изучение данных об этимологии прилагательных. Стоит, однако, заметить, что теорию когнитивного рассмотрения слова предвосхитила теория внутренней формы А. А. Потебни. Ученый отмечал, что мысль о предмете представляется человеку под формой одного из своих признаков. Например, формой мысли о туче является то, что «она вбирает в себя воду или изливает ее из себя: корень ‘ту’ – пить, лить. Праславянский *tonk» [Потебня, 1926. С. 77].

Хотя для современных носителей английского языка этимологическое значение слова может быть непрозрачно и неактуально, однако, как отмечает Е. Г. Беляевская, оно «не исчезает, но переходит в подсознание и продолжает играть определенную роль как “формирующая” часть семантики лексической единицы»; «внутренняя форма-этимон обладает значительной устойчивостью», влияя на когнитивную модель слова [Беляевская, 2005. С. 6].

Для сбора данных о происхождении и исторических изменениях в семантике слов нами использовались как этимологические словари английского языка, так и словари праиндоевропейских корней и этимологии латинского языка (см. список словарей). Поскольку в словарях происхождение слов может проследиваться до разных исторических срезов развития языка, подчеркнем, что в корпус изучаемых единиц включались только те адъективы, происхождение которых проследивается вплоть до индоевропейских или протогерманских основ. Прилагательные с неустановленной этимологией или имеющие спорные варианты возникновения нами не рассматривались.

Систематизация этимологических данных показала, что противопоставленные качества «умный / глупый», «психически здоровый / психически больной», «знающий / неосведомленный», «скромный / высокомерный», «щедрый / жадный» и т. д. интерпретируются на более глубоком уровне посредством архетипических антиномий, таких как свет / тьма, жизнь / смерть, движение / покой, свой / чужой и др. Ученые-культурологи и лингвисты отмечают универсальность этих антиномий: они присущи культурам разных народов мира, имеют различные формы проявления, находя, в том числе, свое отражение и в естественных языках [Иванов, Топоров, 1965; Мелетинский, 1976; Подосинов, 1999].

Проиллюстрируем ход выявления концептов, лежащих в основе семантики изучаемых прилагательных. Например, в этимологических описаниях прилагательного *kind* ‘добрый’ указывается, что оно происходит от др.-а. (*ge)cynde*, букв. ‘имеющий родственные чувства’ (with the feeling of relatives for each other), восходящего к протогерм. **kundi-*, образованному от **kundjaz* ‘семья’, от праинд.-евр. **gene-* ‘рождать, производить на свет’ (OED; Watkins). В данном случае качества человека интерпретируются через представление о рождении, т. е.

семантика прилагательного складывается на основе концепта *ЖИЗНЬ*. К этой же древней основе возводится целый ряд английских адъективов (в целях краткости изложения иррелевантные промежуточные звенья этимологической реконструкции далее опускаются): *benign* 'добрый, милостивый'; *benignant* 'добрый'; *genial* 'доброжелательный, общительный'; *congenial* 'располагающий к себе'; *ingenuous* 'благородный, честный' (OED; Watkins; Vaan. P. 260). Эти номинации мотивированы, по нашему мнению, представлением о том, что человек появляется на свет и начинает социализацию в семье, и члены семьи относятся друг к другу с любовью, связаны родственными добрыми чувствами.

Кроме того, на основе концепта *ЖИЗНЬ* сформировалась семантика адъективов *quick* и *sound*: прил. *quick* 'сообразительный' происходит от др.-англ. *cwic*, от протогерм. **kwikwaz*, от праинд.-евр. **gwei-* 'жить' (OED; Pokorný. P. 467); прил. *sound* 'благоразумный' восходит к протогерм. **swen-to-* (OED), **sāno-s* (Pokorný. P. 880) 'здоровый'. Антонимичные же смыслы складываются на основе представления о болезни, смерти: прил. *murderous* 'жестокий, кровожадный' восходит к праинд.-евр. **mer-* 'умирать' (Etymonline). Семантика адъектива может складываться в результате интеграции концептов, что, как правило, происходит в случае аффиксальных единиц, например: в основе семантики прил. *unsound* 'психически нездоровый' лежит концепт *СМЕРТЬ*, интегрированный концептами *ОТСУТСТВИЕ* и *ЖИЗНЬ* (репрезентированы префиксом отрицания *un-* и корнем *sound* соответственно). Концептуальная оппозиция *ЖИЗНЬ* – *СМЕРТЬ* определяет семантику 10 % прилагательных нашего корпуса, обозначающих моральные качества (*cordial, crafty, mendacious, proud, unkind, uncongenial, unmannerly* и др.), и 9 % прилагательных, обозначающих в корпусе ментальные качества (*sage, sane, sapient, sound, feeble, insane, cracked* и др.).

Прилагательное *accomplished* 'образованный' (уст.) восходит к праинд.-евр. **pele-1* 'наполнять'; прил. *proficient, qualified* 'компетентный, квалифицированный' и *affectionate* 'любящий' возводятся к одному и тому же праинд.-евр. корню **dh-* 'класть, помещать' (OED; Watkins; Vaan. P. 198–199). В данных случаях «наполненность» знаниями или любовью ассоциируется с наполненностью контейнера; в качестве объектов накопления, помещаемых в контейнер, интерпретируются идеи, знания или любовь, т. е. некие положительно оцениваемые абстрактные сущности. Отсутствие этих качеств ассоциируется с пустотой: *unaccomplished, unqualified, unaffectionate*. Концептуальная оппозиция *НАПОЛНЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР* – *ПУСТОЙ КОНТЕЙНЕР* лежит в основе семантики 33 % прилагательных корпуса, обозначающих ментальные качества (*brainy, guileful, reasonable, ignorant, unknowing, mindless, vacuous* и др.), и 7 % прилагательных, обозначающих моральные качества (*callous, cunning, chesty, hardened, maleficent, surly, stony* и др.).

Изучение этимологических данных позволило выделить оппозиции концептов, регулярно репрезентируемых в семантике прилагательных и формирующих концептуальные основания адъективных категорий «Моральные качества» и «Ментальные характеристики человека». Как оказалось, значительные области их концептуальных оснований сформированы одними и теми же концептуальными оппозициями, а именно: *ЖИЗНЬ* – *СМЕРТЬ*, *ДВИЖЕНИЕ* – *ПОКОЙ*, *СВОЙ* – *ЧУЖОЙ*, *ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ* – *ОТСУТСТВИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЪЕКТ*, *НАПОЛНЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР* – *ПУСТОЙ КОНТЕЙНЕР*. Эти оппозиции имеют определенную аксиологизацию: обычно первый элемент маркирован положительно, а второй – отрицательно [Мелетинский, 1976. С. 230–231], соответственно, первый элемент порождает семантику положительной оценки у языковых единиц, а второй – семантику отрицательной оценки.

При формировании семантики прилагательных проявилось свойство человеческого сознания воспринимать и интерпретировать мир через антиномии, которые фиксируются в культурах самых разных народов, проявляясь как в мифологии, так и в естественных языках [Lévi-Strauss, 1964; Иванов, Топоров, 1965; Мелетинский, 1976. С. 231; Подосинов, 1999. С. 451]. Как показывают современные лингвоконцептологические исследования, бинарные оппозиции могут взаимодействовать с логико-онтологическими категориями, в частности

с категориями «время», «пространство», «качество», обуславливая таким образом оценочную амбивалентность языкового знака, семантика которого формируется на основе этих оппозиций [Степаненко, 2020].

Что касается изучаемых нами прилагательных, можно сказать, что они фактически являются метафорической репрезентацией концептов *ЖИЗНЬ*, *СМЕРТЬ*, *ДВИЖЕНИЕ*, *ПОКОЙ*, *КОНТЕЙНЕР* и др. (образующих соответствующие оппозиции), что имеет свое объяснение. Ментальная деятельность и моральные качества, не поддающиеся ни тактильному, ни зрительному, ни другим способам восприятия посредством органов чувств, принадлежат к области абстракций, а поскольку абстракции осмысляются посредством метафор, в терминах чувственного восприятия [Мелетинский, 1998; Никитин, 2003; Lakoff, 1987. P. 9–13], эти качества человека также подвергаются интерпретации.

Благодаря тому, что различные значения порождаются на единой концептуальной основе, номинативные возможности прилагательных расширяются, и в семантике адъектива начинают совмещаться обозначения различных характеристик человека, т. е. слово становится многозначным.

Результаты и дискуссия

Поскольку многие моральные качества относятся к приобретаемым, а не врожденным, необходимым условием для их усвоения является способность конкретного человека к обучению в ходе его социализации. Поэтому ментальные и моральные качества человека часто полагаются взаимосвязанными, что отражается в семантике многозначных прилагательных, совмещающих в себе значения этих качеств.

Рассмотрим сначала те случаи, когда полисемантическое прилагательное обозначает одинаково оцениваемые ментальные и моральные качества человека. Например, тот, кто стремится к новым знаниям или стремится помочь другим, протянуть им руку помощи, видится как идущий к цели; это представление легло в основу семантики прил. *attentive*, восходящего к праинд.-евр. **ten-* ‘to stretch’. В английский язык это слово вошло в XIV в. из французского в значении ‘внимательный, осторожный’, а в XVI в. развилось вторичное значение – ‘вежливый, предупредительный’ (OED).

Соответственно, полярное, отрицательное оценочное значение формируется на основе представления о неподвижном состоянии объекта оценки: прил. *insensate* 1510 г. и *insensitive* 1600 г. возводятся к праинд.-евр. **ne-* ‘not’ и **sent-* ‘to go’ (OED; Pokorny. P. 908); оба слова появляются в английском языке в значении ‘не имеющий перцептивных способностей, не способный чувствовать’. Вторичные значения ментальных и моральных характеристик – ‘глупый’ и ‘жестокий, бесчувственный’ – у прил. *insensate* возникают одновременно в 1520-е гг.; также одновременно происходит расширение номинативных возможностей на область ментальных и моральных характеристик у прил. *insensitive*: 1834 г. – ‘имеющий недостаточно или лишенный ментальной или моральной восприимчивости’, а к 1974 г. складывается значение ‘равнодушный, безразличный’ (OED). Отметим, что семантику адъективов *attentive*, *insensate* и *insensitive* обуславливает концептуальная оппозиция *ДВИЖЕНИЕ* – *ПОКОЙ*.

Поскольку состояния концептуализируются как контейнеры [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 56–57], то и состояние задумчивости, погруженности в размышления также интерпретируется как наполненность: прил. *thoughtful* 1200 г. ‘погруженный в размышления’ восходит к праинд.-евр. **tong-* ‘to think’ (OED; Pokorny. P. 1088). Тот, кто способен обдумать и понять что-то, может понять и чувства, и проблемы других людей, что отражено во вторичном значении этого адъектива ‘чуткий, заботливый’, которое появилось в 1851 г. (OED).

Вторым, особенно интересным, случаем полисемии являются адъективы, именующие оценочно противоположные качества – положительную ментальную и отрицательную моральную характеристики или наоборот.

В рассмотренных до сих пор примерах оценочное значение адъективов складывалось на основе концептуальных оппозиций с частотной, «традиционной» маркированностью концептов, когда первый элемент маркирован положительно и определяет семантику положительной оценки, а второй – отрицательно, определяя семантику отрицательной оценки. Однако антиномии обладают общим свойством приобретать обратный, инверсивный вид [Иванов, 1992], это свойство проявляется и при формировании семантики адъективов. Существуют определенные причины, влияющие на то, какой модус концепта реализуется при формировании семантики слова.

Значения слов соотносятся с определенными когнитивными контекстами, или фреймами, отражающими «знания о мире неязыкового, событийного характера» и передающими «знания и мнения (выделено нами. – М. А.) об определенной, часто повторяющейся ситуации», которые получили название ситуационных [Болдырев, 2014. С. 108, 112]. Коннотации лексико-семантических вариантов слова возникают в зависимости от того, какой ситуационный фрейм сопрягается с данным концептуальным основанием. Как оказалось, та же закономерность действует при формировании оценочного значения английских прилагательных, именуемых моральные и ментальные качества человека. Например, накопление, приобретение знаний может оцениваться по-разному, в зависимости от их принадлежности к морально высокой или низкой сфере. Если просвещенность и мастерство оцениваются положительно, то знание того, как обманным путем добиться своей корыстной цели, получает отрицательную оценку: прил. *cunning* нач. XIV в. ‘знающий, искусный’ // кон. XIV в. ‘хитрый’ восходит к праинд.-евр. **gno-* ‘знать’ (OED). В данном случае оценочная амбивалентность проявляется у концепта *НАПОЛНЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР*.

Объективированное абстрактное понятие «знание» представляется как материальный предмет, который можно взять в руку, схватить, сделать «своим»: прил. *conceited* XVI в. ‘умный’ восходит к праинд.-евр. **kap-* ‘хватать’ (Etymonline; Pokorny. P. 527–528). Ср. рус.: «схватывать на лету», «нахвататься». Однако принципиальное значение имеет то, какие мысли «берет» человек, в частности не преувеличивает ли он в своем воображении свои заслуги: в XVII в. это прилагательное стало обозначать отрицательные моральные качества – ‘самодовольный’, ‘тщеславный’. Эти два оценочно противоположные значения адъектива определяются полярными модусами концепта *СВОЙ*.

В основе семантики целого ряда многозначных адъективов лежат представления об элементарных, базовых действиях с предметами, при этом в полисемантах, как правило, объединяются значения положительных ментальных и отрицательных моральных характеристик. Оценочное значение адъектива зависит от того, что / кто мыслится в качестве объекта воздействия и от цели воздействия в конкретной типичной ситуации. Так, в качестве объекта, на который направлено действие, может представляться новое знание, а разум, мысль могут интерпретироваться как инструменты, способные разрезать или разбить твердую оболочку контейнера, т. е. метафорически – знания: прил. *sharp* др.-англ. ‘сообразительный, пронизательный’ восходит к праинд.-евр. **sker-1* ‘резать’; прил. *sly* 1200 г. ‘умный, знающий, искусный’ возводится к протогерм. **slak-* ‘бить, ударять’ (Etymonline; Pokorny. P. 959). Однако если в качестве объекта воздействия трактуется разум другого человека, а целью воздействия является обман, то инструментом становятся хитрость и коварство; в этом случае складывается семантика отрицательной оценки: *sharp* XVII в. ‘хитрый, коварный’; *sly* 1764 г. ‘хитроумный, мошеннический’ (OED).

Аналогичное семантическое развитие наблюдается у прил. *smart*, у которого в начале XIV в. фиксируется метафорическое значение ‘сообразительный, умный’ (первичное значение ‘острый, жалящий, вызывающий острую боль’, сейчас является архаичным) происходит от праинд.-евр. **smerd-* ‘боль’ (OED). Боль характеризуется как острая или режущая, эти характеристики связывались с предметом, который причинил боль, – колющее или режущее оружие, жало насекомого и т. д. Адъектив приобрел метафорическое значение в силу интерпретации ума как инструмента, способного резать – “from the notion of ‘cutting’ wit” (Etymon-

line). Помимо этого значения данное прилагательное также имело значение “keen in bargaining” ‘знающий, как совершать сделки’, которое, хотя и не регистрируется современными англо-английскими словарями, но используется носителями языка. Иногда умение преуспеть при заключении сделки может быть связано с обманом, получением неоправданно выгодных условий и чрезмерной прибыли лишь одной из сторон, в этом случае *smart* передает отрицательную оценку качества. Так, размышляя о власти денег в современном обществе, Р. Киплинг характеризует словом *smart* людей, смыслом жизни которых стало финансовое преуспеяние, и, не признавая подобный образ жизни, обращается к молодежи с призывом: “Do not be ‘smart’”. Отрицательная коннотация прилагательного становится еще более очевидной на фоне последующего противопоставления знаний о том, как удачнее «провернуть» сделку, знаниям о высоких, нравственных вещах [Kipling, 2007. P. 24–25]¹. Значения ‘умный’ и ‘хитроумный’, представленные в семантике прилагательных *sharp*, *sly* и *smart*, можно рассматривать как частный случай энантиосемии, поскольку, будучи антонимичными в *оценочном* плане, они обозначают не полярные *качества* умственной деятельности человека.

Отметим, что на ассоциативную связь между конкретным механическим действием «резать» и абстрактным «понимать» указывал М. М. Маковский [1986. С. 53], и это же метафорическое уподобление приводит К. Уоткинс в комментарии ба к праинд.-евр. корню *skel-1 ‘резать’: «incisiveness > knowledge» (Watkins). Это заложенное еще на концептуальном уровне семантики слов уподобление реализуется в языковых единицах большей протяженности, что позволило Дж. Лакоффу и М. Джонсону в итоге анализа фактического языкового материала заключить, что мысль может представляться в виде режущего инструмента, и выделить концептуальную метафору *Ideas are cutting instruments* ‘Идеи – это режущие инструменты’ [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 78].

То, что концептуализация мысли как острого, режущего инструмента относится к древним фундаментальным представлениям, подтверждается «обратным» направлением семантического развития слова: от отвлеченного понятия «знающий, мудрый» к перцептивно оцениваемому признаку предмета «острый». Так, прил. *keen*, восходящее к праинд.-евр. *gno- ‘знать’, в др.-а., в частности, означало “clever, prudent, wise, intelligent”, а к XIII в. возникло значение “having a sharp edge or point” (OED; Barnhart).

Отрицательное значение полисеманта может диахронически предшествовать положительному значению. Например, прил. *shrewd*, восходящее к праинд.-евр. *skreu- / *skrē- ‘резать; режущий инструмент’ (OED; Pokorny. P. 938), появилось в английском языке в 1300 г. в значении «злой»: по аналогии с режущим инструментом, который может причинить физическую боль, по аналогии – поведение и слова злобного человека ранят чувства окружающих. А поскольку, как отмечалось выше, в качестве острого инструмента также может трактоваться разум, то потенциально это прилагательное может обозначать характеристику мыслительной деятельности, причем с положительной оценочностью. В современном английском значение ‘сообразительный, пронизательный’, возникшее в 1520 г., стало основным.

Одной из операций при создании артефактов является соединение различных материалов, частей в одно законченное целое, что отражается в концептуальной основе семантики прил. *artful*, восходящего к праинд.-евр. *ar- ‘соединять’: 1610-е гг. ‘искусный’. Однако если подразумевается искусность в «соединении» слов и поступков с целью обмануть кого-либо, то возникает тоже метафорическое, но оценочно противоположное значение ‘хитрый, притворный’ 1739 г. (COED). Семантика рассмотренных прилагательных *sharp*, *shrewd*, *sly*, *artful* формируется на основе оценочно амбивалентного концепта *ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ*.

На основе оценочно амбивалентного концепта *ОТСУТСТВИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЪЕКТ* последовательно сформировалось несколько значений прил. *artless*, причем как иден-

¹ Анализ речи Р. Киплинга “Values of Life”, в которой прил. *smart* функционирует как значения «хитрый, ловкий, мошеннический», см. в [Долгов, Старикова, 2015].

тичных, так и полярных в оценочном плане. Изначально данное прилагательное передавало отрицательную оценку уровня мастерства – ‘неумелый, неопытный’ (1580-е гг.). Но отсутствие практических знаний и умений в одной области может распространиться и на многие другие, в частности на знание этикетных норм и умение вести себя, что отразилось в значении ‘грубый, невоспитанный’, возникшем у *artless* несколько позже (1590-е гг.). Вместе с тем отсутствие знаний говорит о том, что разум не развился, не изменился по сравнению со своим первоначальным состоянием, что отражено в значении ‘естественный, природный’ (1670-е гг.); а наивный разум не способен создавать хитросплетения лжи, вынашивать коварные планы, что и подразумевает значение ‘бесхитростный, простодушный’ (1713 г.) (OED).

К редким случаям, когда полисемант именуется не только ментальные и моральные качества, но и характеристики внешности человека, относится прил. *nice*, восходящее к праинд.-евр. основам **ne-* ‘не’ и **skei-* ‘резать’, буквально означая «не резать» (OED). Этот адъектив появился в английском языке в XIII в. в значении ‘глупый’, затем в XVIII в. приобрело вторичное значение ‘очаровательный’, а в XIX в. возникает значение ‘добрый, воспитанный’. Как известно, семантика английских адъективов отличается резкими, часто – необъяснимыми, изменениями, но, как отмечает Э. Уикли, семантическая эволюция *nice* удивительна даже для адъективов (Weekly, 1967. P. 983). Однако и возникновение значений, и вариативность оценки имеют свое объяснение. Если в качестве объекта, не подвергающегося воздействию, мыслится новое знание и предполагаемое действие приписывается объективированному разуму, то складывается отрицательная оценка; «неострый» разум неспособен проникнуть в новое знание, что и отражено в значении «глупый». Если же действие «не резать» направлено на оценивающего субъекта, то оно воспринимается положительно, так как не ранит чувств субъекта, в том числе эстетических, что отражено в значениях «очаровательный» и «добрый».

В заключение необходимо остановиться на количественном соотношении прилагательных положительной оценки и прилагательных отрицательной оценки. Выше приводились статистические данные о количестве тех и других единиц в нашем корпусе, и эти данные свидетельствуют о значительном преобладании прилагательных, обозначающих отрицательно оцениваемые качества человека. На наш взгляд, этот факт демонстрирует, что большое значение при взаимодействии с внешним миром придается распознаванию опасностей различного рода; а отрицательные умственные качества человека или отклонения от норм морали данного социума могут представлять определенную опасность как для окружающих, так и для самого индивида, обладающего этими отрицательными качествами. В связи с этим нужно упомянуть, что, изучая прилагательные разноструктурных языков, Р. Диксон пришел к выводу, что языковое воплощение получают наиболее значимые с точки зрения языкового коллектива признаки («Only significant qualities have names») [Dixon, 1982. P. 50]. Всё вышесказанное позволяет предположить, что отрицательные качества относятся к принципиально важным характеристикам человека, что находит свое отражение в их более детальном обозначении.

Вместе с тем, как показано в [Слесарева и др., 2020], окказионально частотность слов, обозначающих отрицательные характеристики человека и осуждаемые модели поведения, может объясняться строгостью морально-этических установок автора конкретного текста, убеждающего с помощью антипримеров. Так, высокая частотность в газетном дискурсе австрализма *bludger* ‘тунеядец, нахлебник’ служит не целям пропаганды тунеядства среди австралийцев или осуждения образа жизни аборигенов, а вводится как антипример настоящего австралийца, честного и трудолюбивого, в составе базовой австралийской идеологемы «не будь *bludger*» или «не будь как *bludger*», а будь бойцом – *battler* [Там же. С. 115].

Заключение

Итак, в статье показано, что развитию многозначности у английских прилагательных, обозначающих моральные и ментальные качества человека, способствуют системные факторы, заложенные в языке в ходе его исторического развития. Для того чтобы определить эти факторы, мы проанализировали концептуальные основания, на которых складывается семантика прилагательных. Моделирование концептуальных оснований семантики проводилось при помощи предложенной нами методики, которая учитывает этимологию исследуемых слов. Изучение глубинного, концептуального уровня формирования семантики указанных английских прилагательных позволяет сделать следующие выводы.

1. Семантика рассмотренных английских прилагательных формируется на едином концептуальном основании, образованном, в частности, концептами *ЖИЗНЬ*, *СМЕРТЬ*, *ДВИЖЕНИЕ*, *ПОКОЙ* и др.

2. Концепты, лежащие в основе семантики изучаемых многозначных адъективов, образуют пять бинарных оппозиций, а именно: *ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ*, *ДВИЖЕНИЕ – ПОКОЙ*, *СВОЙ – ЧУЖОЙ*, *ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ – ОТСУТСТВИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЪЕКТ*, *НАПОЛНЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР – ПУСТОЙ КОНТЕЙНЕР*.

3. Оценочное значение прилагательного предопределяется маркированностью концепта в оппозиции – положительной или отрицательной. Например, положительная оценка качества – *benign, quick (ЖИЗНЬ)*; отрицательная оценка качества – *murderous (СМЕРТЬ)*.

4. Значения ментальных и моральных качеств у полисемантического прилагательного могут быть идентичными или противоположными в оценочном плане.

5. Отрицательная семантика аффиксальных прилагательных, составляющих корпус изучаемых единиц, обычно формируется в результате интеграции концептов, репрезентированных корнем и аффиксом данного прилагательного (*un-sound, art-less, in-sensate* и др.).

6. Свойство концептов обладать амбивалентным модусом приводит к аксиологической подвижности семантики английских адъективов, т. е. к энантиосемии.

7. Не обязательно оба концепта оппозиции репрезентированы полисемантическими адъективами, совмещающими значения моральных и ментальных характеристик человека. Например, в оппозиции *СВОЙ – ЧУЖОЙ* такой полисемант сложился только на основе концепта *СВОЙ* (*conceited* ‘умный’, ‘самодовольный’), в то время как на основе *ЧУЖОЙ* существует большое количество адъективов, обозначающих либо только ментальные качества (*inert, unable, ungifted* и др.), либо только моральные качества (*indecent, discourteous, close* и др.).

8. Можно предположить, что фактором, способствующим развитию полисемии английских прилагательных, является, в частности, заложенная в системе английского языка общность концептуальных оснований их семантики, и, соответственно, потенциальная возможность использовать один и тот же концепт для интерпретации двух абстрактных качеств человека и объединить возникшие значения в одном прилагательном.

В перспективе было бы интересно выявить концептуальные основания других прилагательных, обозначающих не только качества человека, но и качества неодушевленных объектов, что позволило бы в итоге построить модель концептуального основания всей лексикограмматической категории качественных прилагательных в английском языке.

Список литературы

- Беляевская Е. Г.** Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 401 с.
- Беляевская Е. Г.** Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 5–14.
- Беляевская Е. Г.** Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. С. 59–69.

- Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2014. 236 с.
- Бондарчук Г. Г.** Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 326 с.
- Боярская Е. Л.** Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 1999. 217 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 1. 520 с.
- Гулимова А. Д.** Концептуальные основания лексико-семантической категории времени в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 230 с.
- Долгов К. М., Старикова Е. И.** Политика и культура: от политической философии Макиавелли до политических пророчеств Кипплинга // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 40–50.
- Елизарьева М. А.** Образ-схема как средство представления полисемии (на примере немецкого глагола *ziehen*) // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 5. С. 17–31.
- Иванов В. В.** Левый и правый // Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 43–44.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.** Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 251 с.
- Кацнельсон С. Д.** Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
- Кубрякова Е. С.** Части речи в ономаσιологическом освещении. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 120 с.
- Кубрякова Е. С.** Концепт // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 90–93.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Маковский М. М.** Английская этимология: Учеб. пособие для ин-тов и ф-тов иностранных языков. М.: Высш. шк., 1986. 151 с.
- Мелетинский Е. М.** Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.
- Мелетинский Е. М.** Первобытные истоки словесного искусства // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: Изд-во РГГУ, 1998. С. 52–110.
- Никитин М. В.** Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.
- Подосинов А. В.** Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
- Порохницкая Л. В.** Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 413 с.
- Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. 552 с.
- Потебня А. А.** Мысль и язык. 5-е изд. Киев: Гос. изд-во Украины, 1926. 205 с.
- Слесарева Е. Р., Рыжкина О. А., Фефелов А. Ф.** Трактовка теми австралийской идентичности в национальной прессе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-105-119
- Степаненко В. А.** Кумуляция и амбивалентность в семантике мифологем (на примере репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98

- Abd Rahim, N.** Adjective identification in television advertisements. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, no. 103, p. 86–94.
- Baker, M. C.** *Lexical categories: Verbs, Nouns and Adjectives*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 353 p.
- Berg, T.** Adjective phrases with doubly modified heads: How lexical information influences word order and constituent structure. *English Language and Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 2, p. 341–361.
- Bierwisch, M.** Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten. In: *Untersuchungen zur Semantik*. Hrsg. von R. Růžicka und W. Motsch. Berlin, Akademie Verlag, 1983, S. 61–99.
- Bierwisch, M., Bosch, P.** (eds.). *Semantic and Conceptual Knowledge*. Heidelberg, IBM Deutschland, 1995, 261 p.
- Bierwisch, M., Lang, E.** Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. Berlin, Akademie Verlag, 1987, Bd. 26/27, S. 1–28.
- Boldyrev, N. N.** Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2016, vol. 4, no. 49, p. 10–20.
- Croft, W.** *Typology and universals*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 314 p.
- Croft, W., Cruse, D.** *Cognitive linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 356 p.
- Cruse, D.** The lexicon. In: *The handbook of linguistics*. Ed. by M. Aronoff, J. Rees-Miller. New Jersey, J. Wiley & Sons, 2017, p. 235–255.
- Dixon, R. M. W.** *Where have all the adjectives gone?* Berlin, New York, Amsterdam, Mouton Publ., 1982, 258 p.
- Dixon, R. M. W., Aikhenvald, A.** (eds.). *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. Oxford, Oxford University Press, 2004, 370 p.
- Evans, V., Green, M.** *Cognitive linguistics: An Introduction*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2006, 830 p.
- Jackendoff, R.** Conceptual Semantics. Semantics. In: *An International Handbook of Natural Language Meaning*. Ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, vol. 1, p. 688–709.
- Kipling, R.** *Values in Life. A Book of Words*. Maryland, Wildside Press LLC, 2007, p. 21–28.
- Lakoff, G.** *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1987, 614 p.
- Lang, E., Maienborn, C.** Two-level Semantics: Semantic Form and Conceptual Structure. In: *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning*. Ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, vol. 1, p. 709–740.
- LaTerza, I.** Adjectives and determiners. *Lingua*, 2015, no. 168, p. 85–103.
- Lévi-Strauss, C.** *Le cru et le cuit*. Paris, Plon, 1964, 402 p.
- Nokolaeva, I.** Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*, 2008, vol. 118, no. 7, p. 969–996.
- Paul, W.** Adjectives in Mandarin Chinese: The rehabilitation of a much ostracized category. *Adjectives: Formal analyses in syntax and semantics*, ed. by Cabredo Hofherr et al. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010, p. 115–152.
- Pustejovsky J., Boguraev P.** Lexical Knowledge representation and natural language processing. *Artificial Intelligence*, 1993, vol. 63, no. 1–2, p. 193–223.
- Pustet, R.** Adjectives. In: *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Ed. by K Brown. 2nd ed. Oxford, UK, Elsevier, 2006, p. 60–63.
- Ratkus, A.** This is not the same: The ambiguity of a Gothic adjective. *Folia Linguistica Historica*, 2018, vol. 39, no. 2, p. 475–494.
- Sosnina, A.** Semantic relations of the adjective ‘empty’ in Modern English language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 200, p. 531–536.

- Taylor, J. R.** Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1995, 312 p.
- Trotzke, A., Wittenberg, E.** Long-standing issues in adjective order and corpus evidence for a multifactorial approach. *Linguistics*, 2019, vol. 57, no. 2, p. 273–282.

References

- Abd Rahim, N.** Adjective identification in television advertisements. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, no. 103, p. 86–94.
- Baker, M. C.** Lexical categories: Verbs, Nouns and Adjectives. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 353 p.
- Belyaevskaya, E. G.** Can the results of conceptualization be reconstructed? (On the procedure of cognitive analysis). *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2005, no. 1, p. 5–14. (in Russ.)
- Belyaevskaya, E. G.** Conceptual structures with permanent and flexible focus. In: Language cognitive studies. Moscow, The Institute of Linguistics of RAN; Tambov, Derzhavin State University Publ., 2011, vol. 9: Interaction of cognitiva and language structures, p. 59–69. (in Russ.)
- Belyaevskaya, E. G.** The word's semantic structure in nominative and communicative aspects (Doctoral dissertation). Moscow, Moscow State Linguistic University, 1992, 401 p. (in Russ.)
- Berg, T.** Adjective phrases with doubly modified heads: How lexical information influences word order and constituent structure. *English Language and Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 2, p. 341–361.
- Bierwisch, M., Bosch, P.** (eds.). Semantic and Conceptual Knowledge. Heidelberg, IBM Deutschland, 1995, 261 p.
- Bierwisch, M., Lang, E.** Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjectiven. Berlin, Akademie Verlag, 1987, Bd. 26/27, S. 1–28.
- Bierwisch, M.** Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten. In: Untersuchungen zur Semantik. Hrsg. von R. Růžička und W. Motsch. Berlin, Akademie Verlag, 1983, S. 61–99.
- Boldyrev, N. N.** Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2016, vol. 4, no. 49, p. 10–20.
- Boldyrev, N. N.** Cognitive semantics: An introduction to cognitive linguistics. 4th edition. Tambov: Tambov University Publ., 2014, 236 p. (in Russ.)
- Bondarchuk, G. G.** The cognitive-semiotic basis of the noun category in English (English names of clothing items). (Doctoral dissertation). Moscow, Moscow State Linguistic University, 2011, 326 p. (in Russ.)
- Boyarskaya, E. L.** The cognitive basis of new meanings of Modern English polysemantic nouns (Doctoral dissertation). Kaliningrad, Kaliningrad State University, 1999, 217 p. (in Russ.)
- Croft, W.** Typology and universals. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 314 p.
- Croft, W., Cruse, D.** Cognitive linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 356 p.
- Cruse, D.** The lexicon. In: The handbook of linguistics. Ed. by M. Aronoff, J. Rees-Miller. New Jersey, J. Wiley & Sons, 2017, p. 235–255.
- Dixon, R. M. W.** Where have all the adjectives gone? Berlin, New York, Amsterdam, Mouton Publishers, 1982, 258 p.
- Dixon, R. M. W., Aikhenvald, A.** (eds.). Adjective classes. A cross-linguistic typology. Oxford, Oxford University Press, 2004, 370 p.
- Dolgov, K. M., Starikova, E. I.** Politics and culture: From Machiavelli's political philosophy to Kipling's political prophecies. *MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 6 (45), p. 40–50. (in Russ.)
- Elizarijeva, M. A.** An image-schema as a tool of polysemy representation (on the German verb *ziehen*). *Philological Sciences in MGIMO*, 2016, no. 5, p. 17–31. (in Russ.)
- Evans, V., Green, M.** Cognitive linguistics: An Introduction. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2006, 830 p.

- Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V.** The Indo-European language and Indo-Europeans. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984, vol. 1, 520 p. (in Russ.)
- Gulimova, A. D.** The conceptual basis of lexico-semantic category of time in Modern English. (Candidate dissertation). Moscow, Moscow State Linguistic University, 2015, 230 p. (in Russ.)
- Ivanov, V. V.** Left and right. In: Myths of the world. Encyclopedia. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1992, vol. 2, p. 43–44. (in Russ.)
- Ivanov, V. V., Toporov, V. N.** Slavic language modelling systems. Moscow, Nauka, 1965, 251 p. (in Russ.)
- Jackendoff, R.** Conceptual Semantics. Semantics. In: An International Handbook of Natural Language Meaning. Ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, vol. 1, p. 688–709.
- Kacnelson, S. D.** Language categories and cognition: Scientific heritage. Moscow, Yazyki Slavyskoy kul'tury, 2001, 864 p. (in Russ.)
- Kipling, R.** Values in Life. *A Book of Words*. Maryland, Wildside Press LLC, 2007, p. 21–28.
- Kubryakova, E. S.** Parts of speech from the onomaseological point of view. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., 2008, 120 p. (in Russ.)
- Kubryakova E. S.** The concept. In: Kubryakova E. S., Demiyankov V. Z., Pankratz Yu. G., Lusina L. G. The concise dictionary of cognitive terms. Moscow, M. V. Lomonosov MSU philological faculty, 1997, p. 90–93. (in Russ.)
- Lakoff, G., Johnson, M.** Metaphors we live by. Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p. (in Russ.)
- Lakoff, G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1987, 614 p.
- Lang, E., Maienborn, C.** Two-level Semantics: Semantic Form and Conceptual Structure. In: Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning. Ed. by C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, vol. 1, p. 709–740.
- LaTerza, I.** Adjectives and determiners. *Lingua*, 2015, no. 168, p. 85–103.
- Lévi-Strauss, C.** Le cru et le cuit. Paris, Plon, 1964, 402 p.
- Makovsky, M. M.** English etymology: A textbook for foreign language institutions and faculties. Moscow, The Higher School, 1986, 151 p. (in Russ.)
- Meletinsky, E. M.** The myth poetics. Moscow, Nauka, 1976, 408 p. (in Russ.)
- Meletinsky, E. M.** The primeval sources of oral lore. In: Meletinsky E. M. Selected papers. Memoirs. Moscow, RSUH Press, 1998, p. 52–110. (in Russ.)
- Nikitin, M. V.** The cognitive semantics foundation. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2003, 277 p. (in Russ.)
- Nokolaeva, I.** Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*, 2008, vol. 118, no. 7, p. 969–996.
- Paul, W.** Adjectives in Mandarin Chinese: The rehabilitation of a much ostracized category. *Adjectives: Formal analyses in syntax and semantics*, ed. by Cabredo Hofherr et al. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010, p. 115–152.
- Podosinov, A. V.** Cardinal direction orientation in archaic cultures. Moscow, Yazyki Russkoy kul'tury, 1999, 720 p. (in Russ.)
- Porokhniskaya, L. V.** The conceptual basis of euphemia in language (English, German, French, Spanish and Italian). (Doctoral dissertation). Moscow, Moscow State Linguistic University, 2014, 413 p. (in Russ.)
- Potebnya, A. A.** Some notes on Russian grammar. Moscow, Prosveshchenie, 1968, vol. 3: On the noun semantic change and substitutions, 552 p. (in Russ.)
- Potebnya, A. A.** Thought and language. 5th ed. Kiev, State Publishing House, 1926, 205 p. (in Russ.)
- Pustejovsky, J., Boguraev, P.** Lexical Knowledge representation and natural language processing. *Artificial Intelligence*, 1993, vol. 63, no. 1–2, p. 193–223.

- Pustet, R.** Adjectives. In: *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Ed. by K Brown. 2nd ed. Oxford, UK, Elsevier, 2006, p. 60–63.
- Ratkus, A.** This is not the same: The ambiguity of a Gothic adjective. *Folia Linguistica Historica*, 2018, vol. 39, no. 2, p. 475–494.
- Slesareva, Ekaterina R., Ryzhkina, Olga A., Fefelov, Anatoli F.** Faces and Visions of the Australian Identity in the Aussie National Press. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-105-119
- Sosnina, A.** Semantic relations of the adjective ‘empty’ in Modern English language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 200, p. 531–536.
- Stepanenko, Valentina A.** Cumulation and Ambivalence in Mythologems (Based on the Example of the Representative Horseshoe of the Concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon Culture). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98
- Taylor, J. R.** *Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1995, 312 p.
- Trotzke, A., Wittenberg, E.** Long-standing issues in adjective order and corpus evidence for a multifactorial approach. *Linguistics*, 2019, vol. 57, no. 2, p. 273–282.

Список словарей / List of Dictionaries

- Barnhart – The Barnhart Dictionary of Etymology. Ed. by R. K. Barnhart, S. Steinmetz. Bronx, NY, H.W. Wilson Co., 1988.
- COED – The Concise Oxford English Dictionary. 12th ed. Oxford, Oxford University Press, 2011.
- Etymonline – Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/>.
- OED – The Oxford English Dictionary. In 20 vols. 2nd ed. Oxford, The Clarendon Press, 1989.
- Pokorny, J.** *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, 1959. URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-p.htm>
- Roget’s 21st Century Thesaurus. 3rd ed. Ed. by B. A. Kipfer. New York, Dell, 2005.
- The Original Roget’s Thesaurus of English Words and Phrases. New edition. Harlow, Essex, Longman, 1987.
- Vaan de, M.** *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden, Boston, Brill, 2008.
- Watkins, C.** *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*. 2nd ed. Houghton Mifflin Co., 2000. URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-p.htm>
- Weekley, E.** *An Etymological Dictionary of Modern English*. In 2 vols. New York, Dover Publ., Inc., 1967, vol. 1.

Материал поступил в редакцию

Date of submission

23.04.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Антонова Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Москва, Россия)

Marina B. Antonova, PhD, Associate Professor of the School of Foreign Languages, the National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)

mbantonova@hse.ru

ORCID 0000-0001-9875-7631